

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/15617793/479/1

«Имперский код» романа Бенджамина Дизраэли «*Tancred; or, The New Crusade*» в русском переводе XIX в.

Юлия Петровна Ажель¹

¹ Томский политехнический университет, Томск, Россия, azhel81@yandex.ru

Аннотация. Описаны жанровые особенности политического романа викторианского писателя Бенджамина Дизраэли, одного из основоположников данной жанровой модели в мировой литературе, и обозначены причины интереса к его роману «*Tancred; or, The New Crusade*» в России во второй половине XIX в. Проанализированы художественные особенности русского перевода романа «Танкред, или Новый крестовый поход» и выявлена специфика переводческой рецепции в России в контексте историко-культурной ситуации второй половины XIX в., что до сих пор не становилось предметом изучения как отечественных, так и зарубежных литературоведов.

Ключевые слова: Бенджамин Дизраэли, политический роман, викторианская литература, империя, поэтика, переводческая рецепция, жанровые особенности

Для цитирования: Ажель Ю.П. «Имперский код» романа Бенджамина Дизраэли «*Tancred; or, The New Crusade*» в русском переводе XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 5–20. doi: 10.17223/15617793/479/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/1

The “imperial code” of the novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in the Russian translation of the 19th century

Yuliya P. Azhel¹

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, azhel81@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the translation reception of the political novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in Russia in the second half of the 19th century. In spite of the fact that Disraeli's popularity was not as great as that of Charles Dickens and William Makepeace Thackeray, he was one of the founders of the political fiction genre, thus enriching the Victorian literature of the 19th century. The novel under study laid the foundation for that genre model not only in Great Britain, but also abroad. The Russian translation of Disraeli's novel called “*Tankred*” [Tancred] is analyzed in the article in regards to the development of the British Empire in the 1870s. The research is based on the translation version published in the magazine *Zhurnal romanov i povestey* [Magazine of Novels and Short Stories], a literary supplement to the *Nedelya* [Week] newspaper, in 1878, 30 years after the publication of the original in England. The article analyzes the specifics of the novel's reception in Russia in the context of Disraeli's politics during the 1860s–1870s. As a consequence of the Berlin Congress in 1878, the political novel *Tancred; or, The New Crusade* was perceived as a prophetic work due to the implementation of Disraeli's political plans described in the novel. The plot was associated with the idea of Disraeli-politician to establish the British Empire both in the West and in the East. So the attention of Russian critics and readers to the novel in the second half of the 19th century can be explained by the requirements of Russian literary processes of that time as well as by the political and social conditions. The given research is of importance in terms of translation reception as the translation reveals not only the translator's attitude to the original work and its author, but also the peculiarities in the reception of foreign literature by the Russian reader at a definite historical period of time. The comparison of the translation and the original has shown that the translation reception of the novel was mainly determined by the context of popular literature and adapted to the Russian environment. The chosen translation strategy based on the readers' “horizon of expectation” and Disraeli's literary reputation was aimed at conveying the political context of the novel focusing on the issues of the British Empire, thus neglecting the philosophical and religious aspects, which results in a considerable semantic compression of the original. The translation is also characterized by loose handling of the original text and introduction of Russicisms used to achieve the mentioned aims. Nevertheless, the analysis has demonstrated that the translation, for all its differences from the original, sets the stage for the genre model of the political novel in Russia and renders the key elements of Disraeli's poetics into the Russian language.

Keywords: Benjamin Disraeli, political novel, Victorian literature, empire, poetic style, translation reception, genre peculiarities

For citation: Azhel, Yu.P. (2022) The “imperial code” of the novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in the Russian translation of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/1

На сегодняшний день проблема переводческой рецепции романов английских писателей XIX в. становится весьма актуальной в ситуации обостренного внимания к вопросам межкультурного диалога. Если произведения классиков викторианской эпохи достаточно хорошо изучены и освещены в научных трудах, то творчество английского романиста Бенджамина Дизраэли (1804–1881) мало известно современным читателям, несмотря на то что его литературное наследие неизменно привлекает внимание критиков, литературоведов, историков и ориенталистов из разных стран.

Стоит отметить, что место Дизраэли-писателя в литературном процессе Англии XIX в. весьма неоднозначно. Несмотря на то, что викторианский автор являлся популярным представителем жанра «фешенебельного» романа и «отцом» европейского политического романа [1. С. 35], он воспринимался современными критиками и читательской аудиторией как писатель «второго» ряда [2. С. 99]. Это объясняется, прежде всего, тем, что, для романиста литературное творчество было лишь ступенью, приближающей его к политической власти, и он намеренно «беллетризовал» свои произведения, прокладывая с их помощью путь к широкой читательской аудитории [3. С. 2].

В своих ранних сочинениях Б. Дизраэли, остро нуждающийся в деньгах, отдал дань востребованной в 20–30-е гг. XIX в. тематике «салонных» романов и мастерски развил сложившиеся в рамках данного жанра шаблоны и «формулы». В 40-х гг. XIX в. викторианский писатель стал первооткрывателем новых решений, обратившись к общественно-политической обстановке Англии как к современному и актуальному материалу. Роман как самый популярный жанр английской литературы, «достигший вершины своего развития и как эстетическая форма, и как интеллектуальный голос общества» был использован лидером партии «Молодая Англия» Б. Дизраэли для изложения его политических взглядов [1. С. 81]. Новаторство писателя заключалось в том, что он впервые сделал предметом художественного изображения идеи, определявшие викторианскую интеллектуальную атмосферу 40-х гг. XIX в., и заложил, таким образом, основы для последующего становления жанра политического романа не только в Англии, но и за рубежом.

Особенность романистики английского автора сводится к тому, что «путь Дизраэли-писателя неотделим от пути к власти и славе Дизраэли-политика», а привлекательность его произведений для исследователей и читателей заключается в возможности «с помощью романиста и оратора Бенджамина Дизраэли изучить государственного человека, лорда Биконсфильда» и пролить свет на проводимую им политику» [4. С. 1]. Воплощением наиболее тесного взаимопроникновения литературы и политики является социально-политическая трилогия Б. Дизраэли 40-х гг., часто именуемая «мани-

фестом партии “Молодая Англия”» [5. С. 51]. По мнению теоретиков и историков жанра, «всякое событие и всякий герой» в политических романах Б. Дизраэли «лишены многомерности, многоплановости», поскольку писатель акцентирует свое внимание на «авторском задании» и политической сути описываемого [1. С. 115]. Беллетристический корпус «зрелой» литературы Б. Дизраэли характеризуется злободневностью и замкнутостью на «сиюминутном настоящем» и представляет собой, по большому счету, «художественную реализацию программных установок Б. Дизраэли-политика» [1. С. 108].

Необходимо подчеркнуть, что в рамках литературоведения любой текст представляет собой совокупность кодов, под которыми понимают «ассоциативное поле, сверттекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре», «конкретную форму уже виденного, уже читанного, уже деланного, конституирующего всякое письмо» [5]. Понятие «литературный код» получило широкое распространение в литературоведении в 1950–1960-е гг. в связи с развитием структурно-семиотического подхода к произведению с перенесением на художественную литературу дихотомий языка и речи, синхронии и диахронии [6. С. 17]. По Р. Барту, чтение текста – это «путешествие сквозь коды», позволяющее обнаружить «проайретический», «семантический», «символический», «герменевтический», а также «культурный» коды произведения, функции которых сводятся к «конденсации культурной памяти» и «генерации новых смыслов» [6. С. 17]. Тексты, созданные Дизраэли, также подобны неким сообщениям, конкретной реализации знаковой системы, которую можно назвать кодом. Среди многих кодов, выявляемых в романах викторианского писателя, особое значение имеет «имперский код», подразумевающий мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, просвещенческий мессианизм, снисходительное отношение к другим народам и ощущение англосаксонской исключительности. Роман «Танкред, или Новый Крестовый Поход» (1847) в полной мере отражает имперский менталитет и амбиции писателя, воплотившиеся впоследствии в войне в Афганистане, «приобретении» акций Суэцкого канала, захвате Кипра и многом другом, что дало основание историкам закрепить за Дизраэли статус «отца империализма». «Имперский код» романа «Танкред...» реализуется писателем на всех уровнях поэтики произведения: в теме взаимоотношений Великобритании и Востока, топосе «имперского» романа, представляющего собой путешествие по дальним странам, мотиве поиска истины.

Опираясь на классификацию В.Е. Хализева, политические сочинения Б. Дизраэли можно отнести к серьезно-проблемной ветви художественной беллетри-

стики, включающей в себя «круг произведений, обсуждающих проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков» [6. С. 153]. Чтобы упростить читателям восприятие сложного социального, религиозного и философского содержания своих романов, Дизраэли остается верен традиции литературы «серебряной ложки» и в своих политических произведениях по-прежнему прибегает к использованию прототипов реальных персонажей, описаний светских раутов, любовных приключений, обязательного хэппи-энда и пр. Тем не менее, несмотря на наличие определенных шаблонов, «зрелые» романы викторианского писателя, несомненно, обладают собственной художественной ценностью, так как затрагивают те пласты проблематики и поэтики, которые впоследствии будут востребованы высокой литературой по всему миру. Не зря французский ученый Р. Мэтр, один из первых биографов Дизраэли, так отзывался о литературном наследии английского писателя: «Место Дизраэли-романиста, конечно, не в первом ряду. Но он, может быть, единственный представитель политического романа, и его творчество обладает рядом качеств, которые позволяют назвать его “блестящим вторым” сразу после великих художников его века» [7. С. 8].

Наибольший интерес как для историков, так и для литературоведов по сей день представляют произведения «младоанглийской» трилогии, отражающие сложные философские размышления Б. Дизраэли о политике, обществе и религии. Исследованию романов «Конингсби, или Новое поколение» (1844), «Сибилла, или Две нации» (1845), «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847) посвящено большое количество работ в западном литературоведении. Специфике «младоанглийских» романов уделили внимание такие авторитетные ученые, как Г. Брандес (1878), У. Монипенни (1910, 1912), Дж. Бакл (1926), А. Моруа (1927), Р. Мэтр (1963), Р. Блэйк (1966), Р. Шварц (1979), Т. Браун (1981), С. Брэдфорд (1982), Ф. Левис (1993), А. Кирш (2016) и др. В отечественном литературоведении романы трилогии не столь широко изучены; пристальное внимание исследователей обращено, как правило, на политическую деятельность и биографию Б. Дизраэли, в то время как анализ его литературного наследия носит чаще всего общий характер. Исключения составляют работы В.В. Ивашевой (1974), Ф.И. Мороза (1976), В.Г. Трухановского (1993), Б.М. Проскурнина (2000), Е.В. Ермаковой (2016), И.А. Матвеевко (2019).

Активный интерес русской литературы 1840-х гг. к эстетике и поэтике романного жанра способствовал тому, что «младоанглийские» сочинения Б. Дизраэли читались в подлиннике и активно обсуждались на страницах периодических изданий сразу после их публикации в Англии [8. С. 86–93]. Тем не менее на русский язык при жизни писателя было переведено лишь заключительное произведение трилогии «*Tancred; or, The New Crusade*» («Танкред, или Новый крестовый поход») в 1878 г., спустя почти тридцать лет после по-

явления романа. Целью данного исследования является выявление причины обращения к вышеупомянутому произведению Б. Дизраэли в России и осмысление передачи «имперского» кода его романа в русском переводе XIX в., что обусловлено интересом современного литературоведения к проблемам компаративистики, рецептивной эстетики и межкультурного диалога. Методология данной работы сочетает принципы историко-литературного, культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов анализа. Для изучения передачи «имперского кода» романа Дизраэли используются метод контент-анализа и метод литературной герменевтики, призванные проследить реализацию и интерпретацию «имперского кода» в переводной версии романа. Актуальность исследования определяется впервые предпринятым как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении изучением рецепции романа «младоанглийской» трилогии «Танкред, или Новый крестовый поход» в России 1870-х гг.

Более века прошло со дня смерти выдающегося британского политического деятеля Б. Дизраэли, однако проводимая им политика империализма не только не прекратила свое существование, но и, значительно трансформировавшись, приобрела на сегодняшний день «новую актуальность и способность прояснять многие социокультурные процессы современности» [9. С. 173]. В настоящее время, когда империй и колоний в классическом историко-политологическом понимании уже не существует, одни страны продолжают оказывать сильное воздействие на другие, действуя посредством культурного доминирования, названного Э. Саидом, а затем и Г. Мюнклером «культурным империализмом» [10. С. 172]. Сложившаяся в мире ситуация во многом объясняет востребованность в качестве объекта исследования заключительного романа «младоанглийской» трилогии «*Tancred; or, The New Crusade*» (1847), олицетворяющего неординарное отношение Б. Дизраэли к вопросам империи.

«Имперский код» Б. Дизраэли, заложенный в романе «*Tancred; or, The New Crusade*», усматривается в умозрениях главного героя по поводу взаимоотношений Англии и Востока. При этом он не сводится только к аллюзиям на имперские идеалы Дизраэли, а образует важный фон повествования. Продолжая традицию первых произведений трилогии, главным героем-идеологом романа становится молодой британский аристократ, вступающий в общественную жизнь. Однако если первые романы отражают оптимизм раннего политического мировоззрения Б. Дизраэли, суть которого сводится к тому, что честные, бескорыстные молодые люди на позициях власти способны решить проблему коррумпированного, некомпетентного английского парламента, то на момент написания заключительного произведения политическая программа Б. Дизраэли претерпевает значительные изменения. Дизраэли-политик осознает, что социальные проблемы викторианского общества 40-х гг. XIX в. слишком сложны, чтобы поддаваться каким-либо классическим либеральным решениям, поэтому его герой, разочарованный в духовных ценностях и религиозных

институтах викторианской Англии, совершает паломничество на Восток, к Гробу Господню, чтобы постичь «Великую Азиатскую тайну», испытать божественное откровение и получить ответы на свои вопросы. По наблюдениям зарубежных исследователей, викторианские писатели «представляли неевропейскую часть мира в следующем свете: как места возмужания или возрождения, где юноши могли открыть <...> свою состоявшуюся мужскую сущность» [11. С. 15–16].

В основу «имперского кода» романа «Tancred; or, The New Crusade» положены взгляды Дизраэли-политика, будущего основателя Британской империи, «безусловного мирового доминанта» [9. С. 29]. Многочисленные религиозные диспуты и международные политические проекты, в значительной степени отражающие политику Дизраэли по «восточному вопросу», составляют большую часть сочинения, а второе название романа, «the New Crusade» («Новый крестовый поход»), символизирует его основную направленность.

В заключительном романе трилогии Б. Дизраэли развивает идею «нового торизма», направленную на превращение страны в одну коммуну, в которой «каждый будет делать свое дело во благо общего процветания этой общины, где будет существовать социальная сплоченность в условиях устойчивого морального порядка» [13. Р. 104]. Важную роль в реализации политических идеалов писателя играет церковь, так как ее духовное лидерство является залогом того, что народ может осознать себя «единой нацией» и перестанет быть «толпой» [13. Р. 51]. Но если в первых произведениях трилогии Б. Дизраэли всячески отстаивает могущество христианства, то в «Tancred; or, The New Crusade» писатель несколько отходит от своей позиции, принимая во внимание изменившуюся в стране обстановку. Англия становится империей, под флагом которой собираются народы, не объединенные общей религией. В связи с этим взгляды писателя на христианство претерпевают значительные изменения, для него становятся возможными специфические, переходные формы религии, обретение «некой» веры, синтезирующей христианские, иудейские и мусульманские нравственные идеи [5. С. 53].

Фабульный ряд романа ослаблен из-за многочисленных отступлений на религиозные и философские темы, призванные, прежде всего, «задать политико-идеологические параметры, в которых действуют герои» [1. С. 74]. В основе жанровой структуры произведения «Tancred; or, The New Crusade» лежит модель романа воспитания, «обрастающая» вариациями политического, нравоописательного, исторического романа и романа-путешествия. В рамках имперского подхода, согласно которому «апелляция к прошлому – одна из самых распространенных стратегий в интерпретации настоящего» [9. С. 31], Б. Дизраэли пытается доказать, что «прошлое объясняет настоящее и дает возможность предвидеть будущее», «смело увязывая историю духовных поисков отдельной личности с историей всего человечества» и призывая, таким образом, европейцев обратиться к своим истокам [7. С. 139].

По общему признанию рецензентов романа «Tancred; or, The New Crusade», произведение распадается на две отдельные части: «английскую» и «восточную», которые «плохо согласуются друг с другом» [12. С. 98]. Тем не менее Б. Дизраэли не случайно переносит действие из Англии на Восток: это дает ему возможность противопоставить две цивилизации, чтобы в новом свете охарактеризовать европейскую действительность. Именно поэтому в первых двух книгах романа писатель дает развернутую картину лондонских аристократических кругов, которая служит своеобразным нравственным фоном эпохи. Несмотря на отчетливую литературную традицию жанра «фешенебельного» романа в «английской» части произведения, проявляющаяся в зарисовках из жизни света, персонажи и события представлены так, что становится очевидной проблема, волнующая писателя, бездуховность викторианского общества, потеря им ценностных ориентиров.

Образ Англии присутствует имплицитно и в последующих четырех книгах, возникая то в авторских отступлениях, то в высказываниях персонажей. Однако в «восточной» части произведения, где действие, согласно сюжету, переносится в Иерусалим, кардинально меняется авторский стиль изложения. Если «английская» часть романа во многом близка первым сочинениям трилогии, то ее «восточная» часть демонстрирует отступление писателя от реалистического метода в сторону романтической традиции. На первое место выходит авантюрный, рыцарский сюжет, разворачивающийся на чужом континенте на фоне подробных описаний восточных городов и пейзажей, традиций и жизненных укладов и сопровождающийся, в лучших традициях исторического романа, многочисленными встречами, приключениями и любовной историей главного героя.

Симптоматично, что роман «Tancred; or, The New Crusade», впервые опубликованный в 1847 г. лондонской типографией Генри Колберна, в целом, не встретил понимания у современников писателя. Историко-культурные и религиозно-философские обобщения Б. Дизраэли показались читательской аудитории слишком сложными и надуманными, вследствие чего роман долгое время считали «фантастическим, запутанным и хаотичным» произведением», «странной, смелой и неосторожной книгой» [14. Р. 125], которая «редко читается и плохо понимается» [4. С. 153]. Некоторые рецензенты восприняли роман «Танкред» как «еврейские откровения» Б. Дизраэли, которому для воплощения честолюбивых политических замыслов нужно было разрушить сложившийся «отталкивающий английский стереотип еврея» и донести до читателя идею о величии еврейской нации [15. Р. 110].

Проведенный анализ критической рецепции показал, что отношение отечественных рецензентов к романистике Б. Дизраэли на протяжении XIX в. менялось в зависимости от общих процессов, протекающих в русской литературе, господствующих идеологических взглядов, а также в силу его политической деятельности на международной арене. Всплески и падения ин-

интереса к творчеству английского писателя можно объяснить, применив концепцию Г.Р. Яусса, который утверждал, что «новый текст пробуждает в читателе горизонт ожиданий и правил, знакомых по более ранним текстам». Именно таким горизонтом ожиданий можно объяснить обращение русских критиков и переводчиков к текстам Дизраэли, их переиздание и повторный перевод на разных этапах культурного развития. Русские читатели по-разному интерпретировали как произведения английского автора, так и его личность, поскольку «истолкование текста в процессе рецепции всегда предполагает некий контекст опыта эстетического восприятия» [16. С. 195]. Знакомство с Дизраэли-писателем в русскоязычной культуре состоялось во второй половине 1840-х гг., когда в отечественной публицистике прослеживалась тенденция знакомить читателя с зарубежной литературой, а обращение русской критики к произведениям английских писателей было продиктовано потребностью восполнения лакун в становлении реализма и русского романа. Первая рецензия на «младоанглийскую трилогию» в целом и роман «*Tancred; or, The New Crusade*» в частности принадлежала перу русского критика В.В. Стасова и была опубликована в 1847 г. на страницах ведущего литературно-демократического журнала «Отечественные записки». Пытаясь объяснить причины популярности представителя английской беллетристики Дизраэли на родине, рецензент определяет жанр романа «Танкред» как «роман из большого света, да еще и политический» [17. С. 850–852], проводя при этом параллель произведений викторианского писателя с сочинениями массовой литературы. Основными аспектами «младоанглийских» произведений Дизраэли критик называет утилитарность, злободневность и национальную специфичность, находя их чуждыми русской аудитории. Возможно, ввиду несформированности жанра социально-политического романа в России в 1840-е гг. Стасов не принимает «художественной политизации... «младоанглийской трилогии», считая романский жанр несовместимым с политической основой сюжета [18. С. 95]. Однако, рассматривая тему национального своеобразия английской беллетристики, Стасов приходит к выводу, что «по крайней мере у Дизраэли есть цель», в отличие от других викторианских писателей [17. С. 861].

С конца 1860-х гг. формирование литературной репутации писателя в России происходит в контексте его растущей популярности как политика, и акцент восприятия особенностей «младоанглийских» романов смещается с эстетических принципов в область идеологии. В 1868 г. Дизраэли становится главой консервативного правительства Англии, представляющей собой на тот момент «имперский класс более могущественный и более внушительный, чем все прочие» [9. С. 248]. Резонансная политическая деятельность лорда Биконсфильда, идущая вразрез с интересами нашей страны, приводит к падению его литературной репутации в России. При этом сохраняется неизменно высокий интерес к его персоне со стороны отечественной критики и читателей, о чем свидетельствуют многочисленные критические отзывы на страницах ведущих

периодических изданий («Отечественные записки», «Русский вестник», «Вестник Европы» и др.) и газет. Несмотря на то что оценки творчеству Дизраэли даются рецензентами разных идейных направлений, их точки зрения на романистику писателя во многом совпадают. Романное наследие Дизраэли отечественные критики часто приравнивают к массовой литературе: «При всей своей политической деятельности Дизраэли не забывал и романов, которые должны были служить тому, чтобы поддерживать известность его имени и приобретать ему новую славу» [19. С. 335–357]. По мнению рецензентов, «по свойству своего таланта английский писатель не принадлежит к художникам», а «результат высокопарных возгласов Дизраэли о великом социальном вопросе сороковых годов в его политических романах ничтожен» [8. С. 93]. Отечественные обозреватели обвиняют Б. Дизраэли в чрезмерной назидательности и дидактичности, а успех его «слабых» в художественном отношении произведений видят в их политическом характере и умении отвечать на запросы времени [8. С. 93].

1878 г. стал знаменательным в политической судьбе Дизраэли, в очередной раз повлияв на восприятие образа и творчества писателя в России. Если до 1870 г. программа Дизраэли-политика была ориентирована не на расширение империи, а на то, чтобы «поощрять и поддерживать ее, защищать от распада», то после 1870 г. он сосредоточил все свое внимание на энергичной внешней политике. Защита Индии и борьба против конкурирующих держав, в частности России, привели Британскую империю к экспансии на Африку и на Ближний и Дальний Восток [9. С. 250]. Во время Русско-турецкой войны Дизраэли настаивал на участии Великобритании в военных действиях, а после ее окончания лорд Биконсфильд «выдвинул на сцену призрак захвата Россией всего Балканского полуострова» [15. С. 279]. Когда турки обратились к Англии за посредничеством, в январе 1878 г. Дизраэли послал английский флот в Дарданеллы и начал готовиться к войне с Россией в случае ее отказа от предлагаемых условий: созыв европейского конгресса в Берлине для обсуждения условий Сан-Стефанского мирного договора. По свидетельству исследователей, «в конце концов, балансирование на грани войны принесло Дизраэли успех: русские не стали пересекать Дарданеллы, и войну удалось предотвратить». Выступление Дизраэли на Берлинском конгрессе заставило князя Горчакова пойти на уступки Англии и, по мнению историков, в корне изменило план передела территорий: «"Большая Болгария", замысленная Россией, была поделена на две части, и ее границы изменены в пользу Турции» [15. С. 279].

Выдающаяся речь Дизраэли на Берлинском конгрессе принесла ему небывалую популярность и заставила отечественных критиков в очередной раз обратить внимание на потенциально опасный идеологический объект и его «давно забытые политические романы», чтобы понять и донести до читателя содержащиеся там идеи: «...политика Дизраэли отличалась такими эффектными сюжетами, сценами, что в его романах, писанных 30–40 лет назад, естественно было

отыскивать разгадку этих эффектов, и в последних тогда стали видеть выполнение давно задуманного плана» [20. С. 436]. В частности, «имперский» код романа «Tancred; or, The New Crusade», репрезентированный союзом с аравитянами, маронитами, анзарами и другими в 1845 г., был воплощен в жизнь лордом Биконсфилдом спустя тридцать три года посредством союза с турками, захвата Кипра и ввода английских войск в Афганистан. Принимая во внимание тот факт, что восточное направление являлось приоритетным в политике Дизраэли, а его правительство активно поддерживало Османскую империю в противовес России, к роману «Tancred; or, The New Crusade» стали обращаться как к сложному и причудливому литературному выражению «имперской мечты» Б. Дизраэли установить Британское правление как на Востоке, так и на Западе. В сложившейся ситуации идея теократического равенства, провозглашенная главным героем романа, стала толковаться не как способствующая политической сплоченности Востока, а как ведущая к лишению его всякой самостоятельности – политической и религиозной, и превращению его в придаток Англии.

Резонансное выступление Б. Дизраэли на Берлинском конгрессе и воинственная политика Англии на Востоке послужили поводом для перевода на русский язык романа «Tancred; or, The New Crusade». К произведению, «возбудившему к себе наибольшее внимание благодаря неожиданному осуществлению некоторых содержащихся там политических прогнозов», стали относиться как к своего рода провиденческому коду: «многое, что представлялось Дизраэли как греза, свершилось воочию» [19. С. 356]. Этому способствовала и традиция, сложившаяся в русской литературе второй половины XIX в., согласно которой «пророк 60-х был не поэтом (как в эпоху романтизма), а журналистом (“публицистом”) – роль, сочетавшая в себе литературного критика, популяризатора науки и общественного деятеля... поскольку в литературе видели максимально точное и прямое отображение действительности, мир литературы легко и охотно приравнивали к миру реальному. Не только реальные критики, но и их идеологические противники судили о вымышленных персонажах как о живых людях, а о литературных ситуациях – как о подлинных жизненных событиях» [21. С. 14].

Первый и единственный перевод романа «Tancred; or, The New Crusade» в России был опубликован типографией А.М. Котомина в «Журнале романов и повестей» (№ 8–10), бесплатном приложении к газете «Неделя», спустя всего два месяца после Берлинского конгресса. Подобная спешка была обусловлена высокой конкуренцией, связанной с активным развитием газетного дела в пореформенной России. Единственный владелец и руководитель «Недели» П.А. Гайдебуров был деятельным редактором, стремившимся максимально расширить круг авторов и читателей. В «Журнале романов и повестей» печатались в основном переводные романы; подбор художественных произведений был обусловлен тем, что читательская аудитория того времени ждала, по сути, не «художественности, а публицистичности и дидактичности, критики существующих

порядков и изображения образцов для подражания» [22. С. 388]. Весь материал в газете был адаптирован для широкой аудитории, подавался завлекательно и доступно, чтобы «читатель начал читать, прочел, не отрываясь» и понял текст так, как запрограммировал его автор или переводчик [22. С. 19]. «Неделя» того времени являлась главным органом либерально-народнической прессы, имеющим политическую направленность. Ее целевой аудиторией была сформировавшаяся в течение пореформенного периода многочисленная читательская группа провинциальной интеллигенции (главным образом это были земские служащие – учителя, врачи и т.д.), для которых газета была чрезвычайно значимым средством преодоления культурного одиночества [23. С. 49].

Важной частью литературного процесса адаптации иностранных произведений выступали, безусловно, отечественные переводчики. Декодирование оригинальных иноязычных текстов являлось их важнейшей задачей, позволяющей читателю понять уникальные культурные особенности другой страны. Так, анонимный автор перевода романа «Tancred; or, The New Crusade» стал, своего рода, «соавтором» писателя, посредником между литературным произведением и его актуализацией в реальности русской действительности [21. С. 14]. При анализе перевода произведения Б. Дизраэли становится очевидной его попытка передать «имперский» код романа, сделав акцент на «восточной» части сочинения; подчеркнуть жанровую основу политического романа, чрезвычайно актуального для русской литературы конца 1870-х гг., сглаживая при этом религиозные и философские аспекты; адаптировать произведение для восприятия неподготовленным читателем на всех уровнях – стилевом, сюжетном и национально-культурном, тем более что сама переводческая норма тех лет допускала существенную переработку текста [24. С. 86]. Наиболее яркими образцами социально-политического романа на тот момент в России являлись произведения «Что делать?» Н.Г. Чернышевского (1863), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867), «Новь» (1876) И.С. Тургенева, которые имели существенные отличия от романов Дизраэли, романтизирующих политические течения и создающих характеры прежде всего «по политическому срезу». Тем не менее налицо определенная типологическая общность отечественных социально-политических романов с переводной романистикой Дизраэли, принимая во внимание типологические особенности данного жанра, выделенные К.В. Алексеевым: «Главными признаками социально-политического произведения являются, во-первых, общественно-политическая цель, которую преследовал автор, создавая его, во-вторых, главная идея, которая должна иметь четкую социально-политическую направленность; в-третьих, какую роль сыграло или могло бы сыграть произведение в политической жизни общества. Причем лишь совокупность этих признаков может указывать на социально-политическую направленность» [25. С. 78]. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что произведения викторианского писателя могли косвенно оказать влияние на становление русского политического романа, что, несомненно, требует проведения специального исследования.

В целом стратегия перевода романа «*Tancred; or, The New Crusade*», обусловленная литературной репутацией Дизраэли, сложившимся «горизонтом ожидания» [16. С. 195] и ориентацией на широкие читательские массы, нашла отражение в значительном сокращении объема оригинального текста и некотором упрощении его идейного содержания. В рамках осуществления заданной переводческой стратегии из всего пространства возможностей прочтения, заложенных в тексте, переводчик отбирал и реализовывал только те, которые способствовали передаче поэтики политического романа; там же, где текст оригинала не предполагал такого прочтения, он был подвержен значительной компрессии. Русская версия романа уместилась всего на 216 страницах и содержала 30 глав, что практически в три раза меньше оригинального текста. Переводчик сохранил деление на главы, но ввиду значительной компрессии авторские названия были утрачены. Перевод романа «*Tancred; or, The New Crusade*» выходил ежемесячно отдельными частями с августа по октябрь 1878 г., и именно в такой трактовке русский читатель имел возможность с ним ознакомиться.

Изменения коснулись и названия произведения. По замыслу писателя, раскрытие художественной аксиологии романа начинается, прежде всего, с его заглавия: «*Tancred; or, The New Crusade*», дословно переводимого как «Танкред, или Новый крестовый поход». Его символическая формулировка обращает на себя внимание многозначностью смысловых значений: контраст Запада и Востока; идея времени, выраженная через параллель с крестовыми походами XI–XIII вв. Основой художественной концепции романа являются последовательно изображаемые автором нравственные и философские метаморфозы, сопровождающие эволюцию политика нового образца, необходимого викторианской Англии XIX в. Понятие «крестonosец» актуализирует в произведении путь главного героя с момента его отказа от устоявшихся традиционных ценностей английского аристократического общества до создания и пропаганды новой политической программы по выходу из социально-политического кризиса.

Необходимо отметить, что в буржуазной и либерально-дворянской литературе первой половины XIX в. крестовые походы рассматривались с точки зрения коренного исторического сдвига, способствовавшего прогрессу цивилизации в Европе [7. С. 252], и именно такая роль отводилась писателем главному герою романа. Неслучаен выбор его имени. Танкред – историческое лицо, герой первого крестового похода, а также известный персонаж поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580) и романа В. Скотта «Граф Роберт Парижский» (1832), традиционно считающийся «рыцарем без страха и упрека», образцом благородства, бескорыстия и других добродетелей палатина [7. С. 258]. Наряду с этим в России поэтика названия «Танкред» ассоциировалась с героической оперой Дж. Россини «Танкред», поставленной по одноименной трагедии Вольтера и поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» в Петербурге в 1839 г., и картиной Пуссена на сюжет «Танкред и Эрминия», приобретенной для Эрмитажа в 1766 г.

В русской версии оригинальное название романа было редуцировано переводчиком до собственного имени главного героя «Танкред», нивелируя при этом целый культурно-исторический пласт и несколько нарушая когерентность всего произведения. С одной стороны, подобное решение переводчика вполне обоснованно: оно отвечало отечественным литературным тенденциям того времени и встраивало роман в русскую литературную традицию «вершинной ориентации» названия произведений («Евгений Онегин», «Обломов», «Рудин» и др.). С другой стороны, это привело к сужению смыслового потенциала заглавия, смещению смыслового акцента с масштабного характера проблемы до жизненных коллизий главного героя романа, прототипом которого, по признанию Дизраэли, был он сам.

Сосредоточенность автора русской версии на передаче «имперского» кода романа Дизраэли подтверждает предисловие, которым переводчик снабдил произведение. Его примечания, сопровождающие каждую часть русской версии романа, во многом проясняют выбранную переводческую стратегию и способствуют осмыслению данного произведения, прежде всего, через призму имперских амбиций автора: «*В романе мы встречаемся с отчетливыми указаниями: 1) на приобретение Англией Кипра, 2) на возведение английской королевы в сан индийской императрицы, 3) на вассальное подчинение английскому владычеству Сирии, Палестины и Малой Азии* [26. С. 3], и «провидческого» сочинения: *Такие указания в романе, написанном в 1846 году, тогда не обратили на себя внимание, а в 1876 году они обратились в осуществившиеся факты* [26. С. 3]. Кроме того, в комментариях переводчик доступно разъясняет читателю политическую программу лорда Биконсфильда относительно восточной политики, изложенной в «Танкреде», подчеркивая, что «восточный вопрос» составляет в ней один из параграфов «Великой азиатской тайны» [26. С. 149]. По мнению автора перевода, наибольший интерес в рамках трансляции «имперского кода» представляет третья книга романа, в которой «удачно очерчены» политическое и религиозное положение разнородных племен, подвластных Порте в Азии, и их взаимные отношения [26. С. 149]. Ценность переводимого текста состоит в том, что исторические факты и этнографические подробности, содержащиеся в романе, достоверны и соответствуют описаниям в сочинении Б. Дизраэли. Так как положение племен, обитающих в Азиатской Турции, не изменилось со времени написания романа, то именно на этих сведениях, «пригодных для разъяснения текущих событий в Сирии, Анатолии и Азии вообще», переводчик фокусирует свое внимание [26. С. 149].

В этом контексте становится очевидной интенция переводчика к значительной компрессии нравоописательного аспекта «английской» части романа, в которой он оставляет лишь важные, с его точки зрения, отрывки, в целом ограничиваясь пересказом сюжета своими словами. Описанию событий, которые в оригинальном тексте занимают главы, в переводе отводятся лишь незначительные фрагменты, что, безусловно, ведет к искажению

авторского стиля. Сокращение и компиляция фрагментов текста приводят к потере выразительных зарисовок отдельных персонажей, сцен из жизни высшего общества, светской болтовни. Как следствие, переводная версия романа не передает колорит «большого света» викторианской Англии, лишая, таким образом, произведение исторического фона.

Чтобы проследить полноту воспроизведения сюжетной линии романа, обратимся к результатам сопоставительного анализа оригинала и перевода ключевых фрагментов, демонстрирующих становление лидера нового типа и вызревание его политической программы.

Конфликт, положенный автором в основу сюжета романа, выражается в неприятии главным героем английского строя государственной и общественной жизни и находит отражение в «длинных речах» Танкреда, которыми он «идеологически себя характеризует» [27. С. 65]. Тем не менее, пафос романа оказывается донесен до русского читателя лишь частично, так как автор перевода значительно сокращает или избавляется от ряда важных сцен. Так, одним из кульминационных фрагментов является спор Танкреда с отцом, в котором молодой человек отказывается от карьеры политика и высказывает желание отправиться на Восток. Для сюжетной канвы романа важно, что именно в этой сцене герой впервые обосновывает свое политическое кредо, положенное в основу «имперского» кода всего произведения. В оригинале диалог отца и сына занимает целую главу и касается целого ряда важных вопросов, которые герою надлежит для себя решить. В русской версии для передачи этого диалога переводчик прибегает к пересказу или опущению философских и религиозных рассуждений главного героя, которые не представляют, на его взгляд, интереса для русского читателя или не соответствуют магистральной линии перевода – политической.

Значительную часть диалога отца и сына переводчик передает посредством реферативного пересказа их разговора с использованием простых, однотипных конструкций, создающих эффект анафоры: *Герцог решился поговорить с сыном; но Танкред, к великому изумлению отца, объяснил, что он баллотироваться не желает и не считает себя пригодным для парламентской работы. Отец предположил, что молодой человек не считает себя готовым, что он желает отложить вступление в парламент на три года, до следующих выборов. Отец заметил, что это нерасчетливо... Отец попросил сына открыться ему как другу, и сын поразил его; он выразил желание надолго расстаться с родителями, путешествовать, посетить Азию, Восток, Иерусалим. Цивилизация новой Европы его не удовлетворяла... Танкред хотел ехать за познаниями, за вдохновением, за энергией на Восток. Английский строй государственной и общественной жизни он, безусловно, отрицал. Отец указал ему на материальное благосостояние Англии* [26. С. 4]. Если в оригинале этот разговор протекает при ведущей роли Танкреда как прирожденного лидера, то переводчик закрепляет доминирующую роль в диалоге за отцом, проводя при этом параллель с моделью русской патриархальной семьи. Политическое противостояние отца и сына, переданное в русской версии как отражение конфликта отцов и детей, свидетельствует об интенции переводчика сделать роман созвучным художественным задачам русских писателей 1860–1880 гг. и акцентировать внимание читателей на одной из важнейших проблем русской литературы середины и конца XIX в. – судьбе молодого поколения.

В связи с этим особую значимость в рамках данного разговора представляют размышления главного героя, молодого аристократа, бунтующего против традиционной преемственности поколений в Англии.

«Tancred; or, The New Crusade»

– I do not shrink from its duties. On the contrary, from the position in which I am born, still more from the impulse of my nature, I am desirous to fulfil them. I have meditated on them, I may say, even for years. But I cannot find that it is part of my duty to maintain the order of things, for I will not call it system, which at present prevails in our country. It seems to me that it cannot last, as nothing can endure, or ought to endure, that is not founded upon principle; and its principle I have not discovered. In nothing, whether it be religion, or government, or manners, sacred or political or social life, do I find faith; and if there be no faith, how can there be duty? <...> Every session of that Parliament in which you wish to introduce me, the method by which

Версия переводчика

– Я долго думал, говорил Танкред, о моих обязанностях. Я не могу себя убедить, чтобы мой долг заключался в поддержании того порядка вещей – его даже системой не могу назвать, – который господствует на нашей родине. Мне кажется, что он не может долго существовать, как не может существовать ничто, чуждое основного принципа. А принципа я открыть не мог. Ни в чем, ни в религии, ни в правительстве, ни в обычаях, ни в духовной, ни в политической, ни в общественной жизни нет твердой уверенности, нет веры. А кто же может выполнять свой долг без уверенности и веры? <...> Парламент, в который вы меня хотите ввести и который считается властью, из году в год занимается переделками, штопаньем, заплатами. <...> Наша нравственность меняется по местностям, по городам, по улицам,

Дословный перевод

– Я не уклоняюсь от своих обязанностей. Напротив, исходя из положения, данного мне при рождении, а еще больше из побуждения моей натуры, я стремлюсь их исполнить. Я размышлял по этому поводу на протяжении нескольких лет. Но я не считаю, что в мои обязанности входит поддерживать порядок вещей, который я не могу назвать системой, господствующий в настоящее время в нашей стране. Мне кажется, что он не может продолжаться, как не может и не должно продолжаться что-то, не основанное на принципе; и этот принцип я так и не обнаружил. Ни в чем, будь то религия, правительство или нравы, духовная, политическая или общественная жизнь, я не нахожу веры; а если нет веры,

power is distributed is called in question, altered, patched up, and again impugned. <...> Our morals differ in different countries, in different towns, in different streets, even in different Acts of Parliament. What is moral in London is immoral in Montacute; what is crime among the multitude is only vice among the few [13. P. 35].

даже по разным законам, изданным в разное время. Что нравственно в Лондоне, то безнравственно в Монтеките; что преступление для простолюдина, то для аристократа только ошибка [26. С. 9–10].

то какой может быть долг? <...> На каждом заседании того парламента, в который вы хотите меня ввести, метод распределения власти ставится под сомнение, изменяется, латается и снова ставится под сомнение. <...> Наша мораль различна в разных странах, в разных городах, на разных улицах, даже в разных Актах Парламента. То, что нравственно в Лондоне, безнравственно в Монтакьюте; то, что является преступлением среди множества, лишь порок среди немногих.

Перевод фрагмента представляет собой достаточно подробную трансляцию оригинала, несмотря на то что переводчик демонстрирует определенную вольность в обращении с подлинником. Так, он опускает предложение: *On the contrary, from the position in which I am born, still more from the impulse of my nature, I am desirous to fulfil them* (Напротив, исходя из положения, данного мне при рождении, а еще больше из побуждения моей натуры, я стремлюсь их (обязанности – Ю.А.) исполнить), что приводит к некоторому искажению оригинального контекста. Для читателя остается неочевидным желание героя стать политиком, но только после обретения им собственной программы. Переводчик не уделяет должного внимания всем смысловым и синтаксическим повторам (*Our morals differ in different countries, in different towns, in different streets, even in different Acts of Parliament*), которые присутствуют в тексте оригинала, и не сохраняет интонационный рисунок исходного варианта, сгладив, таким образом, экспрессивность речи Танкреда. Вместо этого он предпринимает попытку повысить эмоциональность текста за счет множественного отрицания (*Ни в чем, ни в религии, ни в правительстве, ни в обычаях, ни в духовной, ни в политической, ни в общественной жизни нет твердой уверенности, нет веры*). Лексема *faith* передана соответствующим русским словом *вера*, но переводчик добавляет от себя слово «уверенность», переводя смысл сказанного из религиозного контекста в социально-проблемный. Фраза, касающаяся британского парламента, *the method by which power is distributed is called in question, altered, patched up, and again impugned*, дословно переводимая как *метод распределения власти ставится под сомнение, изменяется, латается и снова ставится под сомнение*, передана метафорически: *парламент <...> который считается властью, из году в год занимается переделками, штопаньем, заплатами*, придавая сказанному разговорный стиль. А известный афоризм Дизраэли *what is crime among the multitude is only vice among the few*, дословно: *то, что является преступлением среди множества, лишь порок среди немногих* переводчик расшифровывает, привлекая понятный для читателя материал: *то, что преступление для простолюдина, то для аристократа только ошибка*. Тем не менее, не придерживаясь оригинальной структуры фрагмента и меняя стилистиче-

скую окраску эпизода в целях адаптировать текст к восприятию русской читательской аудитории, переводчик в целом реализует основной смысл оригинала.

Типично романтический конфликт главного героя с обществом, заложенный Б. Дизраэли в основу романа, актуализируется во взаимодействии персонажа с представителями «большого света», наглядно демонстрируя его чуждость окружающему миру. Для Танкреда, несмотря на его молодость и неопытность, очевидны недостатки представительниц высшего света, ограниченность авторитетнейшего епископа Англии, неопределенность взглядов представителей политического бомонда. Обоснованность взглядов Танкреда на парламент как бесполезный орган власти становится очевидной благодаря образам героев первых романов трилогии, которые вследствие развращающего влияния высшего света постепенно превращают идеи партии «Молодая Англия» в модное повертие, спекуляцию на вкусах публики» [1. С. 213].

Основная сюжетная линия романа – воспитание политика нового образца, имперского идеолога, представляющего имперскую миссию как предназначение британской нации, – неразрывно связана с образом ментора, необходимого автору, чтобы подчеркнуть, насколько назрела необходимость появления нового поколения политиков. Им для Танкреда становится носитель иной культуры и мировоззрения Сидония, который действует в романе не прямым наставительным образом, а мотивирует героя самостоятельно анализировать, размышлять, вселяет в него веру в собственные силы.

Показательна сцена знакомства Танкреда и Сидонии, в которой герой делится с ментором своими планами. Русскому читателю предлагается реферативный перевод отрывка, где содержание и структура оригинального текста подвергаются значительному искажению. Так, например, очевидный религиозный контекст фрагмента и историческая отсылка к предку Танкреда оказываются в значительной степени проигнорированы переводчиком в пользу привлечения внимания к «политическому» прочтению романа, что приводит к некоторой смысловой асимметрии. Кроме того, переводчик приписывает главному герою чувства, не отраженные в оригинальном произведении, а стилистические особенности авторского текста оказываются полностью утраченными.

«Tancred; or, The New Crusade»

‘It is no longer difficult to reach Jerusalem; the real difficulty is the one experienced by the crusaders, to know what to do when you have arrived there.’

‘I am born in an age and in a country divided between infidelity on one side and an anarchy of creeds on the other; with none competent to guide me, yet feeling that I must believe, for I hold that duty cannot exist without faith; is it so wild as some would think it, I would say is it unreasonable, that I should wish to do that which, six centuries ago, was done by my ancestor whose name I bear, and that I should cross the seas, and – ‘He hesitated. ‘And visit the Holy Sepulchre’, said Sidonia.

‘And visit the Holy Sepulchre,’ said Tancred, solemnly; ‘for that, I confess, is my sovereign thought’ [13. C. 83].

Версия переводчика

‘Но, – прибавил Сидония, – в Иерусалим не трудно попасть гораздо труднее решить, что следует делать, когда попадешь туда.’

Танкред сознался, что едет за вдохновением, за тем, чтобы разяснить себе, что должно руководить им в жизни, как общественным деятелем. Он не был доволен ни принципами, ни порядками, господствующими на его родине, и вместе с тем не мог на родине найти средств просветить свой ум. Он надеялся просветиться в стране древних пророков.

Танкред чувствовал, что Сидония способен его понимать; он с энтузиазмом высказал свои религиозные мечты и даже сознался, что его главнейшее желание – посетить гроб Господень [26. C. 27].

Дословный перевод

‘Теперь нетрудно добраться до Иерусалима; истинная трудность, которую испытывают крестоносцы, решить, что делать, когда вы туда прибудете.’

‘Я родился в эпоху и в стране, разделенной между неверием, с одной стороны, и анархией вероучений с другой; не имея никого, кто мог бы руководить мною, но чувствуя, что я должен верить, ибо считаю, что долг не может существовать без веры; так ли это дико, как думают некоторые по этому поводу, я бы сказал безосновательно, что я должен сделать то, что шесть веков назад было совершено моим предком, чье имя я ношу, и что я должен пересечь моря и... – Он колебался. – И посетить Гроб Господень’, – добавила Сидония.

‘И посетить Гроб Господень, – торжественно сказал Танкред, – ибо это, признаюсь, властитель моих дум.’

Несмотря на старания родителей и «светских львиц» удержать Танкреда в Лондоне, он покидает город и страну, разрывая, таким образом, пространственные и временные границы. Герой романа рвется в Иерусалим, чтобы обрести истинную веру и ясность во всем [13. C. 347]. Когда Дизраэли приводит своего героя на Восток, тон романа значительно меняется. Легкость повествования «английской» части, проникнутая авторской тонкой иронией, уступает место приподнятому, местами высокопарному стилю, патетическим восклицаниям, пространственным описаниям и монологам героев.

На фоне восточных сцен продолжается эволюция главного героя и происходит вызревание его политической идеи. Авантюрный, рыцарский сюжет играет в

романе вспомогательную роль и реализуется в основном на уровне фабулы. Поскольку Танкред ассоциируется у автора со средневековым рыцарем, отправляющимся на поиски приключений в надежде обрести духовное прозрение, то и все происходящее с ним в значительной степени повторяет типичные сюжетные ходы рыцарских романов.

Свое истинное предназначение герою удастся понять, только когда он поднимается на гору Синай и молится там «Богу Израиля, Творцу Вселенной». Ему является ангел Аравии и повелевает объединить Азию и Европу в новое теократическое государство.

«Tancred; or, The New Crusade»

‘Yet again, and Europe is in the throes of a great birth. <...> The equality of man can only be accomplished by the sovereignty of God. <...> Announce the sublime and solacing doctrine of theocratic equality. Fear not, faint not, falter not. Obey the impulse of thine own spirit, and find a ready instrument in every human being’ [13. C. 157].

Версия переводчика

‘Опять ныне Европа переживает канун великого переворота. <...> Равенство человек возможно только при господстве Всевышнего. <...> Возвести же миру божественное, умиротворяющее учение теократического равенства. Не пугайся, не падай духом, иди твердо, не колеблясь. Повинуйся требованиям собственного разума, действуй и во всяком живом существе умей находить полезное орудие...’ [26. C. 152].

Дословный перевод

‘И снова Европа в родовых муках чего-то великого. <...> Равенство человека может быть достигнуто только посредством верховной власти Бога. <...> Провозгласи же возвышенную и утешительную доктрину теократического равенства. Не бойся, не падай в обморок, не дрогни. Повинуйся импульсу своего собственного духа и найди готовый инструмент в каждом человеческом существе.’

Данный фрагмент демонстрирует достаточно вольное обращение переводчика с оригинальным текстом. Притом что ему во многом удалось сохранить стиль оригинала, воспроизвести синтаксический рисунок фрагмента, он не справляется с задачей полного сохранения аксиологического содержания данного отрывка. Предложение ‘Yet

again, and Europe is in the throes of a great birth’, дословно: ‘И снова Европа в родовых муках чего-то великого’, переводчик передает как ‘Опять ныне Европа переживает канун великого переворота’, лишая читателей возможности осознать уникальность происходящего, по-

явление чего-то принципиально нового, в чем исследователи позднее будут усматривать предтечу будущей британской «имперской идеи». Он правильно понимает название, выраженное в предложении: *Fear not, faint not, falter not*, дословно: *Не бойся, не падай в обморок, не дрогни*, и адекватно передает его, используя повелительное наклонение, но при этом частично меняет содержание на вариант, более подходящий, с его точки зрения, для крестоносца: *Не пугайся, не падай духом, иди твердо, не колеблясь*. Неточная передача выражения *every human being*, дословно: *каждый человек*, в последнем предложении получает трактовку *всякое живое существо*, что влечет за собой смысловую потерю. Используя многоточие в конце фрагмента, переводчик предполагает наличие скрытых смыслов, углубляющих и усложняющих структуру текста, тогда как оригинальный текст представляет собой завершенную мысль.

Наиболее репрезентативным фрагментом, представляющим собой «соавторство» переводчика и писателя, а именно переработкой автором перевода материала оригинального текста, является своеобразная презентация политической программы главного героя. По мнению многих исследователей, восхождение Танкреда на вершину горы Синай и его беседа с ангелом Аравии является кульминацией романа. Дальнейшие приключения героя кажутся уже не столь значительными, а их изобилие создает впечатление излишней растянутости [1, 7, 28].

Возможно, чтобы не потерять интерес читателей, переводчик прибегает к приему компрессии, исключая из текста сцены, выпадающие из политического контекста романа. План внедрения идеи теократического равенства, провозглашенного ангелом Аравии, как таковой отсутствует в романе. Переводчик синтезирует небольшой пассаж, буквально по крупницам вычленив информацию из пространных диалогов Танкреда с Евой, Факредином и Барони, занимающих в оригинальном тексте несколько глав. Данный фрагмент играет важную роль в русском повествовании, делает акцент на политическом «взрослении» героя, освобождая читателя от необходимости «читать между строк».

Танкред, оправясь от болезни, постигшей его после поездки на Синай, сильно изменился: он освободился от своей философской мечтательности и нерешительности и был преисполнен жаждой дела. <...> Цель его заключалась в том, чтобы содействовать возрождению древне-азиатской идеи, установ-

лению ее господства в мире на началах теократического равенства, братства между людьми. Этим, и только этим средством, по его мысли, можно возвратить счастье пребывающему в летаргии Востоку и затем истерзанной страданиями мятежной Европе. Ближайшая, непосредственная мера, которую он имел в виду, заключалась в том, чтобы сблизить между собой и склонить к теократическому равенству племена и народы Сирии и Антохии, часто однокровные, но постоянно враждующие между собой по причинам религиозным. <...> Сближение этих народов было ближайшим делом, к которому стал стремиться Танкред. Всемирное царство с одной господствующей идеей на престоле стало его идеалом.

Использование схожих с авторскими синтаксических конструкций, стилистически окрашенных эпитетов, например: *истерзанной, бездушной*, подбор лексических единиц: *преисполнен, возрождение, летаргия*, позволяет переводчику создать текст, стилистический и смысловой окрас, пафос которого органично вписывается в общую канву повествования.

Замысловатые сплетения сюжета «восточной» части романа не приводят к положительному результату. План Танкреда о сближении Сирии и Антохии, напоминающий больше революцию, чем реформу, не срабатывает. Посредством замысловатых хитросплетений в сюжете герой осознает несостоятельность своей программы и вынужден признать, что Азия погрязла в моральном разложении, поэтому его мечта о спасении Европы при помощи Азии оказывается несостоятельной.

Повествование заканчивается, не предлагая ответа ни на один из поставленных в нем вопросов. Танкред утрачивает свои романтические иллюзии, незавершенность сюжета свидетельствует о достаточно мрачных перспективах на будущее. Тем не менее отсутствие завершенности в романе и трилогии в целом выглядит логично и уместно, а отказ от вынесения каких-либо упрощенных решений в произведении не является признаком некомпетентности Б. Дизраэли-политика, а скорее свидетельствует о его более зрелом понимании состояния современной ему Англии, чем показано в первых романах «младоанглийской» трилогии.

В финальной сцене романа Дизраэли приводит Танкреда и его возлюбленную Еву туда, где они впервые встретились, – в сад Вифании, закольцовывая, таким образом, сюжет.

«*Tancred; or, The New Crusade*»

‘I have a vague impression’, said Eva, sorrowfully, ‘that there have been heroic aspirations wasted, and noble energies thrown away, <...> ‘Your feelings cannot be what they were before all this happened; when you thought only of a divine cause, of stars, of angels, and of our peculiar and gifted land. No, no; now it is all mixed up with intrigue, and politics, and management, and baffled schemes, and cunning arts of men. You may be, you are, free from all this, but

Версия переводчика

‘Мне как-то чувствуется, что много героизма, вдохновения, благородных усилий было потрачено даром, напрасно, без пользы. <...> Вы теперь уже не испытываете тех чувств, которые испытывали полгода тому назад. Тогда вас занимал вопрос о божественном вдохновении, вы говорили о звездах, об ангелах, о нашей несравненно даровитой стране. Нет, нет, теперь не то. Теперь все это смешалось с интригами, с по-

Дословный перевод

‘У меня смутное впечатление, – печально сказала Ева, – что героические устремления и благородная энергия были растрачены впустую. <...> Ваши чувства не могут быть такими, какими они были до того, как все это случилось, когда Вы думали только о божественной причине, о звездах, об ангелах и о нашей необычной и одаренной земле. Нет, нет, теперь все это перемешано с интригами,

your faith is not the same. You no longer believe in Arabia.’

‘Why, thou to me art Arabia,’ said Tancred, advancing and kneeling at her side. ‘The angel of Arabia, and of my life and spirit! Talk not to me of faltering faith: mine is intense. Talk not to me of leaving a divine cause: why, thou art my cause, and thou art most divine!’ ‘Say, rather, inspiration,’ said Tancred, ‘for I will not quit this fountain by which we first met until I am told, as you now will tell me,’ he added, in a tone of gushing tenderness, ‘that our united destinies shall advance the sovereign purpose of our lives’ [13. C. 157].

литикой, с замыслами, с неосуществившимися планами и людскими ухищрениями. Вы в этом не виноваты, вы чужды ухищрений и всего этого. Но ваша вера в Аравию погибла.’

‘Ты моя Аравия! воскликнул Танкред, приблизясь к девушке и опускаясь на колени, – ты ангел Аравии и мой ангел хранитель. Не говори, что вера пошатнулась, не говори, что я не обрел божественного вдохновения. Ты мое вдохновение и ты божественна! Я не уйду от этого фонтана, у которого мы впервые сошлись, не уйду, покуда ты мне не скажешь – а ты скажешь это – что наш союз поможет нам осуществить заветные цели и твоей, и моей жизни’ [26. C. 214].

политикой, управлением, запутанными планами и хитроумными планами людей. Вы можете быть, нет, Вы не имеете к этому отношения, но Ваша вера уже не та. Вы больше не верите в Аравию.’

‘Да ведь Вы для меня – Аравия, – сказал Танкред, подходя и становясь на колени рядом с ней. – Ангел Аравии, моей жизни и души! Не говорите мне о пошатнувшейся вере: моя вера сильна. Не просите меня отказаться от моего божественного дела: ведь Вы – мое дело и божественное начало! Скорее даже, вдохновение, – сказал Танкред, – ибо я не покину этого источника, у которого мы впервые встретились, пока мне не скажут, пока Вы мне не скажете, – добавил он тоном пронзительной нежности, – что наш союз будет способствовать достижению нашей высшей цели.’

Перевод анализируемого диалога содержит много неточностей на уровне содержания и стиля. Переводчик усиливает романтический пафос и эмоциональную окраску диалога, прибегая к использованию синонимов и схожих синтаксических конструкций: *heroic aspirations wasted and noble energies thrown away*, дословно: *героические устремления и благородная энергия были растрачены впустую*, ср.: *много героизма, вдохновения, благородных усилий было потрачено даром, напрасно, без пользы*; *no, no*, дословно: *нет, нет*, ср.: *Нет, нет, теперь не то*; усиление коннотации: *your feelings cannot be what they were*, дословно: *ваши чувства не могут быть такими, какими они были*, ср.: *вы теперь уже не испытываете тех чувств, которые испытывали*. Переводчик вносит изменения в семантику авторской идеи: *You may be, you are, free from all this, but your faith is not the same. You no longer believe in Arabia*, объединив два предложения в одно, добавив фразу: *вы в этом не виноваты*, при этом опустив авторский отрывок: *but your faith is not the same*. К удачным находкам переводчика можно отнести передачу таких выражений, как *a divine cause*, дословно: *божественная причина*, как – *божественное вдохновение*, *angel of my life and spirit*, дословно: *ангел жизни и души моей*, традиционным русским выражением *ангел хранитель*; *our united destinies*, дословно: *наши соединенные судьбы*, как *наш союз*.

Обращает на себя внимание использование Танкредом в данном фрагменте выражения *thou art*, обозначающего *you are*, что, безусловно, вызывает библейские ассоциации. Переводчику не удается передать данную аллюзию, но в качестве компенсации за неизбежные

смысловые потери он использует специфику русского языка. Так, в диалоге Ева обращается к Танкреду на «Вы», тогда как он в момент сильнейшего эмоционального волнения переходит на «ты». Поскольку в английском языке подобного разделения не существует, следовательно, такой прием является осознанным переводческим решением. Таким образом, переводчик достаточно удачно транслирует изменения во внутреннем мире героя, в его отношении к Еве, предлагая стать его союзницей по сердцу и по призванию. Тем не менее, во многом сохраняя интонационный рисунок второй части диалога, переводчик допускает смысловые трансформации, что ведет к нарушению передачи авторской идеи. В последнем предложении: *I will not quit this fountain by which we first met until I am told, as you now will tell me, he added, in a tone of gushing tenderness, 'that our united destinies shall advance the sovereign purpose of our lives*, дословно: *Я не покину этого источника, у которого мы впервые встретились, пока мне не скажут, пока ты мне не скажешь, – добавил он тоном пронзительной нежности, – что наш союз будет способствовать достижению высшей цели нашей жизни*, ср.: *Я не уйду от этого фонтана, у которого мы впервые сошлись, не уйду, покуда ты мне не скажешь – а ты скажешь это – что наш союз поможет нам осуществить заветные цели и твоей и моей жизни* – переводчик прибегает к усилению конструкции, опускает связующее: *добавил тоном пронзительной нежности*, что в целом меняет тональность разговора, но при этом позволяет читателю рассчитывать на оптимистичный финал. Выражение *sovereign purpose*, дословно: *суверенная цель, миссия*, относящееся в

большей степени к гражданской позиции человека, переводчик транслирует как *заветные цели*, во множественном числе, переводя его значение в общечеловеческую плоскость. Таким образом, финальная сцена, предложенная переводчиком русскому читателю, «предлагает развязку личному роману» [26. С. 149], что, в целом, не соответствует содержанию оригинального произведения.

Система образов в русской версии романа, как и в оригинале, представлена тремя персонажами: Танкреда, Евы и Факредина, однако в ней переводчик также расставил свои акценты и внес определенные коррективы. Главным героем остается Танкред – молодой человек дворянского происхождения, противостоящий высшему свету.

Так, образ Танкреда, представленный русскому читателю в начале романа, мало напоминает светского денди или лидера нового поколения, имеющего четкие ценностные установки и готовность противостоять обществу: *Танкред охотно и много учился и читал, много думал, вероятно, много мечтал и много знал; но не знал он ни света, ни жизни, ни людей, когда ему минул 21 год* [26. С. 3].

В приведенном отрывке переводчик резюмирует информацию о Танкреде, представленную в оригинале, но использование оценочной характеристики, обладающей модальностью неопределенности, *вероятно* выдает его ироничное отношение к герою и мешает восприятию авторской идеи.

Возможно, полагая, что по-байроновски разочарованный герой понятнее русскому читателю, чем сформировавшийся политик, переводчик усиливает конфликтологический акцент, сделанный писателем на внутренних сомнениях и колебаниях Танкреда. Кроме того, автор перевода в значительной степени искажает речевой портрет героя, стремясь адаптировать роман к русской действительности. Как видно из анализа приведенных выше фрагментов, речь Танкреда в переводе зачастую воспроизводится в разговорном регистре с использованием русификации, что трудносопоставимо с английскими реалиями высшего общества.

Тем не менее, несмотря на некоторое смещение смысловых акцентов, переводчику удастся передать центральную проблему романа: становление политика нового типа – с «высокими принципами, великими талантами и добрым сердцем» [26. С. 259]. Идеологическая характерология протагониста становится во многом очевидной благодаря передаче переводчиком «имперского кода» романа посредством трансляции политических рассуждений, дискуссий, политических монологов главного героя.

Образ Танкреда в романе противопоставлен образу действующего восточного политика Факредина. Данный персонаж передан при переводе достаточно адекватно и предстает перед читателем человеком, который «вырос при дворе среди интриг, был честолюбив, хитер, пылок, его пламенная фантазия помогала ему задумывать один план за другим. На людей он смотрел как на орудие для достижения своих целей, и не стеснялся их обманывать, когда это было ему выгодно»

[26. С. 68]. Кроме того, переводчику удастся передать ироничное отношение к этому персонажу автора романа: «У Факредина не было никаких принципов» [26. С. 68].

Если в романе Танкред олицетворяет более прогрессивно мыслящего политика, так как руководствуется высокими принципами, верой, то Факредин подвержен сиюминутным политическим соображениям и интригам. Вписывая Факредина в сеть ближневосточных политических хитросплетений, Дизраэли выражает свое отношение к восточным политикам в целом, подчеркивая их «второстепенный статус... существенно важный для первичности европейцев» [13. С. 47]. Когда Танкред говорит о перспективности Факредина как политика, его компаньон Барони возражает: *The Syrians were ever slaves*, дословно: *Сирийцы всегда были рабами*. Частично, на подтверждение данной мысли работает и постоянное стремление Факредина обрести богатого покровителя: в лице Бессо, королевы Астарты и т.д.

Яркий экзотический фон Востока как нельзя лучше воплощен в женском образе Евы, еврейской девушки из знатной семьи, которая пленяет Танкреда с первого взгляда своей красотой. Находясь всю свою жизнь в центре религиозных и политических конфликтов, она имеет достаточно практичный взгляд на жизнь и как никто другой способна оказать поддержку Танкреду-политику, утратившему свои романтические иллюзии. Ева представляет собой цельную натуру, наделена светлым умом и необычайной красотой, великодушием и благородством, «одарена необыкновенно духовной мощью», чего нельзя сказать об английских аристократах, представленных в первой части романа, – прелестных, обворожительных, богатых, принадлежащих к высшим слоям могущественного народа, но ничтожных и пустых в нравственном и духовном отношении.

Значительно «пострадали» при переводе пространственно-временные «координаты» повествования, что особенно характерно для «английской» части романа. В оригинальном произведении Дизраэли создает значимый образ Лондона, «обладающего своим характером, жизненной философией и внешними особенностями» [13. С. 34], который играет важную роль в повествовании. Используя топоним Лондона, Б. Дизраэли проводит параллель между пространственным обликом города и такими чертами английской действительности, как ориентация на утилитарные интересы, мещанская самовлюбленность, желание переделать весь мир по своему облику и подобию, отсутствие романтики и воображения. Писатель подчеркивает бьющий в глаза контраст между пространственной протяженностью и духовной ограниченностью города, ставшего отражением характера и психологии ненавистного писателю типа людей – недалеких, живущих только сегодняшним днем, алчных мещан.

География путешествия героя играет в романе Дизраэли принципиальную роль, транслируя «имперский код» автора: «Герой или героиня романа проявляют неутомимость и энергию, свойственные предприимчивой буржуазии, им дозволено втягиваться в приключения, где раскрываются границы того, что

они могут желать, куда они могут стремиться и кем могут стать» [9. С. 163]. Подобно тому как «английская» часть романа открывается городским пейзажем Лондона, его «восточная» часть предлагает описание Иерусалима, демонстрируя тем самым разительный контраст двух городов. Лондон, обладая статусом самой богатой столицы мира, отличается убожеством фантазии, единообразием, пошлостью и бездуховностью, тогда как Иерусалим, «третьеразрядный городишко посреди каменной пустыни» [13. С. 105], внешне переживая упадок, поражает мощью, богатством духовных структур. Топос Иерусалима буквально насыщен временем, каждый камень этого города имеет свою историю, более древнюю, чем история Римской империи и всех европейских государств: «Образ Иерусалима – это история мира, более того, это история земли и неба» [13. С. 326].

Для создания реальной атмосферы в «английской» части Б. Дизраэли изображает конкретное историческое время, которое «читается» благодаря политическим «фрескам», упоминаемым в романе: Р. Пиль, О'Коннел и другие, а также реальным представителям «большого света», прототипы которых были легко узнаваемы англичанами в 50-х гг. XIX в. Для «восточной» части характерна «высокая концентрация, плотность временных слоев», когда главный герой оказывается как бы «на острие многотысячелетней истории человечества, его существование становится итогом всех бесчисленных жизней, прошедших до него» [7. С. 341].

Все повествование в романе построено на контрастах: исторических традиций и современности, Англии и Востока, сельской местности и промышленного города, но из-за значительных сокращений, сделанных переводчиком, данная авторская интенция остается скрытой от русского читателя. Кроме того, Б. Дизраэли уделяет особое внимание описанию особняков, комнат, деталям интерьеров, в которых проживают герои романа, позволяя получить более полную информацию о характере и жизни их владельцев, но эти детали также не находят отражения в переводе.

В результате сопоставительного анализа романа Б. Дизраэли «Tancred; or, The New Crusade» и его русской трансляции «Танкред» можно сделать вывод, что,

несмотря на множественные отступления от подлинника, переводчику удалось «прочитать» «имперский» код произведения, заложенный автором, и передать жанровую модель политического романа. В целом оригинальный сюжет произведения оказался в переводе значительно упрощен, так как из повествования были исключены многие авторские отступления и описания, не влияющие на ход событий, но дающие дополнительную характеристику героям или происходящему, создающие реалистичный фон действиям. Смысловые акценты были смещены на сюжетную линию, несущую идеологическую нагрузку произведения, предполагая прочтение романа только в подобном жанровом ракурсе. Стремление сделать роман доступным для читателя в рамках сформировавшегося «горизонта ожиданий» стало главной особенностью переводческой стратегии. Реализации данного подхода способствовало значительное сокращение объема произведения; выделение одной магистральной сюжетной линии – политической – за счет значительного редуцирования нравоописательного, религиозного и философского аспектов романа. Отмечаемые рецензентами такие сильные стороны оригинального романа, как красочные картины изображения восточной жизни того времени, авторская ирония, оживляющая пафос произведения, пространственные и топографические метафоры, не нашли отражения в русской версии.

Тем не менее, несмотря на сильную компрессию, все центральные сюжетные линии доведены до конца, а все ключевые события из жизни основных персонажей, входящие в фабулу романа, вошли в текст перевода. «Имперский код», заложенный Дизраэли в роман «Танкред», и, несомненно, представлявший интерес для русских читателей в силу сложившейся современной политической обстановки, оказался донесен до аудитории с незначительными трансформациями, обеспечивающими более легкий поиск ответов на вопросы, связанные с мировыми событиями. Кроме того, одна из традиций жанра, заложенная Б. Дизраэли, – «ороманивание» политической программности «любовно-психологической сюжетикой», также оказалась адекватно передана переводчиком.

Список источников

1. Проскурнин Б.М. Английский политический роман XIX в.: очерки генезиса и эволюция. Пермь: Изд-во Перм. ун-та., 2000. 286 с.
2. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 192 с.
3. Скибина О.М. Беллетристика 80-х годов XIX века как феномен массовой культуры // Вестник ВУиТ. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belletristika-80-h-godov-xix-veka-kak-fenomen-massovoy-kultury> (дата обращения: 11.01.2021).
4. Брандес Г. Литературные характеристики (Английские писатели): Лорд Биконсфильд. СПб.: Просвещение, 1908. 402 с.
5. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. 615 с. URL: https://booksafe.net/read/rolan_bart-semiotika_poetika_izbrannye_raboty-54181.html#p3 (дата обращения: 20.05.2022).
6. Чернец Л.В. О понятии «код» в литературоведении и о пейзаже в произведениях И.С. Тургенева // Тургеневские чтения: сб. ст. / [сост. Т.Е. Коробкина, Е.Г. Петраш; научн. ред. Е.Г. Петраш]. М.: Экон-Информ, 2018. (Вып. 7). С. 17–29.
7. Мороз Ф.И. Творчество Дизраэли 40-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия X: Филология. 1971. № 1. С. 51–64.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. 405 с.
9. Ермакова Е.В. Художественный мир романов Бенджамин Дизраэли. Пермь: Изд. центр Перм. гос. национал. исслед. ун-та., 2016. 248 с.
10. Ажель Ю.П. Основные этапы восприятия творчества Бенджамин Дизраэли в России 1840–1915 гг.: к постановке вопроса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-vospriyatiya-tvorchestva-bendzhamina-dizraeli-v-rossii-1840-1915-gg-k-postanovke-voprosa> (дата обращения: 19.01.2021).
11. Саид Э.В. Культура и империализм / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимирь Даль, 2012. 736 с.
12. Гудова Ю.В. Культура империи, имперская культура, культурный материализм: осмысление методологических подходов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 2 (164). С. 171–180.
13. Cannon Schmitt. "The sun and moon were made to give them light": Empire in the Victorian Novel // A Concise Companion to the Victorian Novel. Ed. By Francis O'Gorman. Blackwell Publishing, 2007. 304 p.

14. Vincent J. Disraeli. Oxford, 1990. 130 p.
15. Disraeli B. *Tancred, or the New Crusade*. London, 1875. 487 p.
16. Моруа А. Жизнь Дизраэли. М., 1991. 254 с.
17. Кирш А. Бенджамин Дизраэли / пер. с англ. В. Генкина. М. : Книжники, 2016. 314 с.
18. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / сост И.В. Кабанова. М. : Флинта ; Наука, 2004. С. 194–200.
19. Стасов В.В. Танкред, или новый крестовый поход. Сочинения Б. Дизраэли // Собрание сочинений : в 3 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 847–867.
20. Матвеев И.А., Хрулева О.С. Восприятие творчества Б. Дизраэли Журналом «Отечественные записки» в 1840–70-е гг. В контексте еврейского вопроса в России // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 92–97.
21. Павлов И. Лорд Биконсфилд как литератор // Русский вестник. 1878. Т. 137 (сент). С. 335–357.
22. Поповский Н. (Кутейников Н.С.) Политические идеалы Дизраэли-Биконсфилда // Отечественные записки. 1878. № 9. С. 201–244; № 10. С. 431–471.
23. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / пер. с англ Т.Я. Казавчинской. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 202 с.
24. Бадалян Д.А., Громова Л.П., Жирков Г.В., Ковалева М.М. и др. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л.П. Грозовой. 3-е изд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2013. 528 с.
25. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М. : Изд-во МПИ, 1991. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=253339&p=1> (дата обращения: 23.12.2019).
26. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие. 5-е изд. СПб. : Филол. факультет СПбГУ ; М.: Издательский Дом «Филология ТРИ», 2002. 416 с.
27. Алексеев К.В. Зарождение жанра русского социально-политического романа и его развитие в середине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-zhanra-russkogo-sotsialno-politicheskogo-romana-i-ego-razvitiye-v-seredine-xix-veka> (дата обращения: 10.02.2021).
28. Танкред. Журнал романов и повестей, издаваемый редакцией «Недели». СПб. : Типография (бывш) А.М. Котомина, 1878. № 8–10.

References

1. Proskurnin, B.M. (2000) *Angliyskiy politicheskiy roman XIX v.: ocherki genezis i evolyutsiya* [British political novel of the 19th century.: essays on genesis and evolution]. Perm: Perm State University.
2. Chernets, L.V. (1982) *Literaturnye zhanry (problemy tipologii i poetiki)* [Literary genres (problems of typology and poetics)]. Moscow: Moscow State University.
3. Skibina, O.M. (2016) Belletristika 80-kh godov XIX veka kak fenomen massovoy kul'tury [Fiction of the 1880s as a phenomenon of popular culture]. *Vestnik VUit*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/belletristika-80-h-godov-xix-veka-kak-fenomen-massovoy-kul'tury> (Accessed: 11.01.2021).
4. Brandes, G. (1908) *Literaturnye kharakteristiki (Angliyskie pisateli): Lord Bikonsfil'd* [Lord Beaconsfield: A study]. Translated from English. Saint Petersburg: Prosveshchenie.
5. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress; Univ., [Online] Available from: https://bookscafe.net/read/rolan_bart-semiotika_poetika_izbrannye_raboty-54181.html#p3 (Accessed: 20.05.2022).
6. Chernets, L.V. (2018) O ponyatii "kod" v literaturovedenii i o peyzazhe v proizvedeniyakh I.S. Turgeneva [On the concept "code" in literary criticism and on the landscape in the works of I.S. Turgenev]. In: Korobkina, T.E. & Petrash, E.G. *Turgenevskie chteniya: sb. st.* [Turgenev Readings: Articles]. Vol. 7. Moscow: Ekon-Inform. pp. 17–29.
7. Moroz, F.I. (1971) Tvorchestvo Dizraeli 40-kh gg. XIX v. [Disraeli's works of the 1840s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya X: Filologiya*. 1. pp. 51–64.
8. Khalizev, V.E. (2005) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vyssh. shk.
9. Ermakova, E.V. (2016) *Khudozhestvennyy mir romanov Bendzhamina Dizraeli* [The Literary World of the Novels of Benjamin Disraeli]. Perm: Perm State University.
10. Azhel', Yu.P. (2019) Osnovnye etapy vospriyatiya tvorchestva Bendzhamina Dizraeli v Rossii 1840–1915 gg.: k postanovke voprosa [The main stages of the perception of Benjamin Disraeli's works in Russia in 1840–1915: On the formulation of the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-vospriyatiya-tvorchestva-bendzhamina-dizraeli-v-rossii-1840-1915-gg-k-postanovke-voprosa> (Accessed: 19.01.2021).
11. Said, E.W. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Said E.W. Culture and imperialism]. Translated from English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir' Dal'.
12. Gudova, Yu.V. (2017) Kul'tura imperii, imperskaya kul'tura, kul'turnyy materializm: osmyslenie metodologicheskikh podkhodov [Culture of Empire, Imperial Culture, Cultural Materialism: Understanding Methodological Approaches]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*. 12:2 (164). pp. 171–180.
13. Schmitt, C. (2007) "The sun and moon were made to give them light": Empire in the Victorian Novel. In: O'Gorman, F. (ed.) *A Concise Companion to the Victorian Novel*. Blackwell Publishing.
14. Vincent, J. (1990) *Disraeli*. Oxford: OUP.
15. Disraeli, B. (1875) *Tancred, or the New Crusade*. London.
16. Maurois, A. (1991) *Zhizn' Dizraeli* [Disraeli: A Picture of the Victorian Age]. Translated from French. Moscow.
17. Kirsch, A. (2016) *Bendzhamin Dizraeli* [Benjamin Disraeli]. Translated from English by V. Genkin. Moscow: Knizhniki.
18. Yaus, G.R. (2004) Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury [The history of literature as a challenge to the theory of literature]. In: Kabanova, I.V. *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 194–200.
19. Stasov, V.V. (1894) Tankred, ili novyy krestovyy pokhod. Sochineniya B. Dizraeli [Tancred, or the New Crusade. Works of B. Disraeli]. In: Disraeli, B. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Vol. 3. Saint Petersburg. pp. 847–867.
20. Matveenko, I.A. & Khruleva, O.S. (2019) Reception of Disraeli Novels on the Pages of "Otechestvennye Zapiski" in 1840–1870 in the Context of Jewish Issue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 33. pp. 92–97. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/33/7
21. Pavlov, I. (1878) Lord Bikonsfil'd kak literator [Lord Beaconsfield as a writer]. *Russkiy vestnik*. 137. pp. 335–357.
22. Popovskiy, N. (Kuteynikov, N.S.) (1878) Politicheskie idealy Dizraeli-Bikonsfil'da [Political ideals of Disraeli-Beaconsfield]. *Otechestvennye zapiski*. 9. pp. 201–244; 10. pp. 431–471.
23. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Translated from English by T.Ya. Kazavchinskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
24. Badalyan, D.A. et al. (2013) *Istoriya russkoy zhurnalistiky XVIII–XIX vekov: uchebnik* [History of Russian journalism of the 18th–19th centuries: textbook]. 3rd ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

25. Reytblat, A.I. (1991) *Ot Bova k Bal'montu: ocherki po istorii chteniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [From Bova to Balmont: essays on the history of reading in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: MPI. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=253339&p=1> (Accessed: 23.12.2019).
26. Fedorov, A.V. (2002) *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): ucheb. posobie* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): textbook]. 5th ed. Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University; Moscow: Izdatel'skiy Dom "Filologiya TRI".
27. Alekseev, K.V. (2009) Zarozhdenie zhanra russkogo sotsial'no-politicheskogo romana i ego razvitie v seredine XIX veka [The origin of the genre of the Russian sociopolitical novel and its development in the middle of the 19th century]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 22. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-zhanra-russkogo-sotsialno-politicheskogo-romana-i-ego-razvitie-v-seredine-xix-veka> (Accessed: 10.02.2021).
28. Disraeli, B. (1878) *Tancred. Zhurnal romanov i povestey, izdavaemyy redaktsiyey "Nedeli"* [Tancred. A magazine of novels and short stories published by the editors of Nedelya]. Vols 8–10. Saint Petersburg: Tipografiya (byvsh) A.M. Kotomina.

Информация об авторе:

Ажель Ю.П. – аспирант, старший преподаватель Отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: azhel81@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.P. Azhel, postgraduate student, senior lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: azhel81@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.03.2020;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.*

*The article was submitted 12.03.2020;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.*